

Гу Шаобай легким движением коснулся струн, и чистый звук цитры разлился по комнате. Его сердце, уже успокоившееся, вдруг снова наполнилось горечью. Он глубоко вдохнул, подавив подступающий ком в горле.

Му Цинфэн, услышав печальные и гневные ноты, невольно коснулся его холодных пальцев. Холод, словно лезвие, пронзил его ладонь и поднялся вверх, разрывая сердце. Как же вернуть это сердце, которое стало холоднее льда?

— Князь, — Гу Шаобай мягко отстранил руку и холодно произнес, — будь то искренность или притворство, пожалуйста, оставьте это себе. Я не смею принимать это и не хочу больше.

Он с нежностью провел рукой по корпусу цитры.

— Наша встреча в лавке Фаньюань была ложью, щедрый подарок цитры — ложью, ночные утехи — ложью, празднование моего дня рождения с песнями и вином — ложью.

Он улыбнулся, но в его улыбке была решительность.

— Я прожил семнадцать лет, но эти несколько месяцев лжи перевесили всю мою жизнь. Жаль только цитру «Цзюсяо Хуаньпэй».

Он посмотрел на мужчину перед собой. Его взгляд казался искренним, но Гу Шаобай внутренне усмехнулся. Разве он когда-либо был искренним?

Когда ложь становится правдой, а правда ложью, кто виноват, что я ослеп и перестал различать их?

Время текло, капая, как вода в водяных часах. В комнате царил тишина, и оба молчали. Му Цинфэн на мгновение почувствовал, будто вернулся в те дни, когда они смеялись вместе, наслаждаясь спокойствием и гармонией.

— Князь, — снаружи послышался голос Чжоу Пина.

Он встал и подошел к двери.

— Император вызвал вас в кабинет для аудиенции, — он понизил голос. — Вы знаете, зачем?

— Посланник сказал, что император, вероятно, хочет обсудить с несколькими министрами выбор нового наставника.

Му Цинфэн кивнул и жестом отпустил Чжоу Пина.

Гу Шаобай опустил глаза, его фигура была тонкой, как дым, будто он мог исчезнуть в холодном воздухе комнаты. Внезапно он почувствовал головокружение, и Му Цинфэн подхватил его на руки. Ощувив, как мир вокруг него закружился, он понял, что уже лежит на кровати.

— А-Бай, я скоро вернусь. Подожди меня, хорошо? Я обязательно все объясню.

Гу Шаобай поднял голову и, увидев его тревожный взгляд, смягчился. На его губах появилась легкая улыбка, и он кивнул. В конце концов, он не смог оставить его с мыслью о полном разрыве. Через несколько лет, через десятилетия, когда Му Цинфэн случайно вспомнит о нем, пусть это будет не ненависть, а улыбка, как при первой встрече. Оказывается, даже после всей боли, он все еще любит этого человека, который разбил его сердце.

— Дядя Пин, — Гу Шаобай сел на кровати.

— Что прикажете, молодой господин? — Чжоу Пин избегал его взгляда, не решаясь смотреть в его чистые, как вода, глаза.

Гу Шаобай улыбнулся.

— Дядя Пин, мне захотелось сладкого. Сходите, пожалуйста, в ресторан Дэжуй за медовым лотосом.

Дядя Пин колебался.

— Но князь велел мне не отходить от вас ни на шаг...

Гу Шаобай горько улыбнулся.

— Дядя Пин, куда я могу пойти в таком состоянии? Маленькая Мэй присмотрит за мной.

Чжоу Пин подумал и, решив, что он прав, быстро ушел, предупредив Мэй. Ресторан был недалеко, и он должен был вернуться быстро.

Когда Чжоу Пин ушел, Гу Шаобай позвал Мэй.

— Мэй, я пролежал два дня, и все кости болят. Помоги мне пройтись по двору.

— Но небо хмурое, скоро пойдет дождь! — сказала Мэй.

Гу Шаобай ответил.

— Мы пройдем немного и сразу вернемся, ничего страшного.

Мэй согласилась и наклонилась, чтобы помочь ему надеть обувь. В этот момент Гу Шаобай схватил фарфоровую подушку с кровати и ударил ею по затылку. Мэй, получив удар, подняла голову, посмотрела на него с недоумением и беззвучно упала на пол.

Гу Шаобай сам надел обувь. Бедная девушка, прости меня. Му Цинфэн, надеюсь, не станет тебя наказывать.

Он вышел из двора и, держась за стену, направился к дому Гу. Шаг за шагом, останавливаясь, чтобы перевести дух, он шел под хмурым небом. Ветер дул так сильно, что он едва мог открыть глаза. На нем была только тонкая верхняя одежда, и он не чувствовал холода осеннего ветра. На улице становилось все меньше людей, все спешили домой, спасаясь от бури.

Внезапно ветер принес первые капли дождя, а затем хлынул ливень, сопровождаемый ураганом. В сезон осенних дождей такого сильного ветра и ливня не бывало. Гу Шаобай вздохнул. Даже уйти спокойно ему не дано.

Густой дождь был как плотная завеса, перед глазами — только белая пелена. Он продолжал идти медленно, не ускоряя шага, и дождь не мешал ему. Он знал, что уже близко. Пройдя вдоль стены, он скоро окажется у цели. Этот последний взгляд почему-то принес ему радость.

Сквозь ливень наконец показались красные ворота дома Гу. Гу Шаобай, весь в грязи, начал стучать в ворота, но они не открывались. Он предположил, что отец больше не хочет его видеть.

Тогда он спустился с крыльца и встал на колени в грязи, надеясь, что отец сжалится и даст ему последнюю встречу. Тогда он уйдет с миром.

Дядя Тянь, сидя в маленькой комнате у ворот, вздыхал, сетуя на жестокость судьбы. Как мог такой славный дом Гу так быстро прийти в упадок? Завтра Министерство финансов заберет усадьбу, и он сможет вернуться в деревню к сыну. Решив, что нужно собрать вещи, он прошел мимо ворот и, словно по наитию, заглянул в щель. Красные ворота были приоткрыты на палец и, несмотря на ливень, свет еще не погас. В белой пелене дождя он увидел белую фигуру. Присмотревшись, он понял, что это третий молодой господин.

Дядя Тянь схватил зонт и выбежал, но ветер мгновенно унес его. Не обращая на это внимания, он бросился к Гу Шаобаю. Он знал его с детства, третий молодой господин всегда был добрым и вежливым. Недавно, когда у него разболелась спина, Гу Шаобай даже принес ему мазь.

Он упал на колени в дожде и заплакал. Раны Гу Шаобая от порки еще не зажили, и дождь пропитал его одежду. Свежие шрамы снова начали кровоточить, окрашивая белую одежду в розовый цвет, как будто на бумаге расплывались капли киновари.

Гу Шаобай видел, как губы дяди Тяня шевелятся, но не слышал его слов. Даже шум дождя замолчал. Отец ушел, второй брат ушел, все ушли, оставив его одного. Оказывается, тот день был их последней встречей.

Ему казалось, что он прощается с дядей Тянем.

Он пошел в сторону города, один в завесе дождя. Когда дождь стих, а ветер утих, он оказался у маленького озера.

В легком дожде ему показалось, что кто-то ждет его там, как раньше, с улыбкой на лице и солнечным светом вокруг. Ливень превратил это красивое озеро в хаос. Весной здесь цвели дикие цветы, и он мечтал вернуться осенью, когда озеро покроется красными листьями, и вода будет сверкать на солнце.

Осень пришла, но он, как озеро после ливня, был в беспорядке. Оказывается, многие прекрасные вещи существуют только в воображении. То, чего мы так сильно желаем, часто оказывается непосильным.

Он шел к центру озера шаг за шагом, без колебаний и сожалений.

Все, что связано с ним, он унесет с собой из этой жизни, через мост Няхэ, выпив суп Мэнпо, и забудет все до следующей жизни.

Он услышал, как кто-то зовет его по имени, громко, но не обернулся. Холодная вода постепенно накрыла его с головой. Закрыв глаза, он погрузился в темноту, и в ушах зазвучал нежный голос: «Прекрасные цветы пестрым ковром цвели... да все погибли, словно у развалин забытых стен...»

Гу Шаобай глубоко вдохнул, словно вода попала в дыхательные пути, и начал кашлять так сильно, что казалось, будто он выкашливает свои внутренности. На лбу выступил тонкий слой пота.

И этот кашель разбудил его.

Услышав такой сильный кашель, Цююэ вбежала в комнату, взяла полотенце и вытерла ему пот,

радостно плача.

— Третий молодой господин, наконец-то вы очнулись! Я сейчас же сообщу господину...

Гу Шаобай наблюдал, как Цююэ выбегает из комнаты, и, перестав кашлять, с трудом сел, опираясь на подушку. Он огляделся по сторонам.

<http://bllate.org/book/16730/1538458>